

А.П. Бородовский

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: altaicenter2011@gmail.com

«Огневые припасы» русских острогов начала XVIII века в Новосибирском Приобье по письменным и археологическим данным

Статья посвящена характеристике «огненных припасов» Новосибирского Приобья начала XVIII в. В состав этого артиллерийского ресурса входили комплекты ядер ряда острогов – Уртамского, Умревинского, Чаусского и Бердского. Следует отметить, что, по данным письменных источников, наличие таких запасов было характерно не для всех этих острогов. Однако результаты археологических исследований позволили установить достаточно крупное собрание разнокалиберных ядер для Умревинского острога, явно отражающее наличие в этом оборонительном пункте нескольких пушек. Не менее результативным стало картографирование единичных находок ядер на территории Новосибирского Приобья. В целом находки ядер являются не только подтверждением наличия артиллерийских запасов на острогах, но и косвенным свидетельством присутствия там различных пушечных стволов, даже если об этих орудиях нет свидетельств в письменных источниках своего времени. Локализация этих предметов имеет определенные особенности. Во-первых, находки ядер располагались в непосредственной близости от самих острогов (Умревинского, Чаусского и Бердского). Во-вторых, часть таких предметов была обнаружена в окрестностях этих оборонительных пунктов. В-третьих, находки ядер встречены далеко за пределами расположения известных острогов Верхнего Приобья. Такая топография находок ядер, очевидно, отражает определенные функциональные особенности этих предметов. В случае непосредственного нахождения ядер на месте острогов – это явно связано с первоначальной их локализацией в составе артиллерийских припасов этих пограничных оборонительных сооружений. Тогда, как находки ядер далеко за пределами размещения острогов уже связаны с тем, что эти предметы являются достаточно мобильными и multifunctionalными вне сферы военной деятельности.

Ключевые слова: Раннее Новое Время, Верхнее Приобье, археологические исследования, письменные источники, сибирские остроги, артиллерия, ядра, картография.

A.P. Borodovsky

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: altaicenter2011@gmail.com

“Ammunition Supplies” of Russian Forts of the Early 18th Century in the Novosibirsk Ob Region according to Written and Archaeological Data

The article describes “ammunition supplies” of the Novosibirsk Ob region in the early 18th century. This artillery resource included sets of cannonballs in a number of forts, such as Fort Urtam, Fort Umreva, Fort Chaus, and Fort Berdsk. According to the written sources, availability of such reserves was not typical of all these forts. However, archaeological research has made it possible to establish a fairly large collection of cannonballs of various sizes for Fort Umreva, clearly reflecting the presence of several cannons in this fort. No less productive was mapping of finds of individual cannonballs in the Novosibirsk Ob region. Finds of cannonballs not only confirm the presence of artillery stocks in the forts, but also serves as indirect evidence of various cannon barrels present there, even if there was no records of these weapons in the written sources of the time. Cannonballs were found in close proximity of forts (Forts Umreva, Chaus, and Berdsk), in their vicinity, or far beyond the known forts of the Upper Ob Region. Such topography of cannonball finds clearly reflects specific functional features of these items. Location of cannonballs in fort areas is associated with their initial placement as a part of fort artillery supplies. Finds of cannonballs at great distance from the forts indicate that these items were mobile and multifunctional outside the military field.

Keywords: Early Modern period, Upper Ob region, archaeological research, written sources, Siberian forts, artillery, cannonballs, cartography.

Введение

Вопросы, связанные с артиллерией XVIII столетия в арсеналах русских острогов Верхнего Приобья, достаточно актуальны в исторической научной литературе [Горохов, Бородавский, 2016]. Другой проблемой является корректная интерпретация находок ядер, как косвенного признака наличия тяжелого огнестрельного оружия. В свою очередь, это требует более детального и тщательного исследования потенциала артиллерийских ресурсов («огневого припаса») для острогов севера Верхнего Приобья по материалам письменных и археологических источников. В связи с этим в прошедшем полевом сезоне были проведены комплексные работы, включающие локализацию мест нахождения ядер, их картографию и анализ письменных источников по этой проблематике. Была обследована достаточно значительная территория от Кожевниковского р-на Томской обл. до Крутихинского р-на Алтайского края с севера на юг и от Колыванского и Мошковского и Тогучинского р-нов НСО с запада на восток (рис. 1).

Обзор источников

По письменным данным начала XVIII в., для севера Верхнего Приобья известно несколько реестров «огневого припаса» нескольких острогов – Уртамского, Чаусского, тогда как для других (Бердского, Умревинского) такие данные вообще отсутствуют. В это время, под термином «огневой припас» подразумевалось наличие пушечных стволов, ручных пищалей, ядер, свинца и пороха. Так, в отчете томских воевод

об укреплениях, количестве вооружения, огненных припасах в Томске и подведомственных ему острогов от 1706 г. про Уртамский острог сказано следующее «...огненного наряду две пушки железные..., третья пушка медная... А к тем пушкам припасу 20 ядер железных» (РГАДА, Ф. 214, Оп. 1, Ч. 5, Кн. 1371; Из отчета..., 1978, с. 31). В 1735 г. артиллерия Уртамского острога насчитывала (без указания калибра) на одной из двух башен чугунную пушку, на другой медную пушку, также над проезжими воротами стояла чугунная пушка. В амбаре находилась медная пушка и запас ядер – 33 свинцовых и 25 чугунных (ГАТО, Ф. 521, Оп. 1, Д. 1, л. 30, 34). К 1742 г. незначительно изменилось лишь количество ядер (вместо 33 больших свинцовых ядер осталось 31, а вместо 25 чугунных ядер осталось 20) (ГАТО, Ф. 521. Оп. 1. Д. 1. л. 52/215).

Для Чаусского острога имеются письменные данные о наличии артиллерийского снаряжения с интервалом от двух десятилетий до нескольких лет с его возникновения в 1713 г. В частности, «Росписной список Чаусского острога от 1735 г.» сообщает, что на вооружении острога находилось пять пушек – одна медная, четыре чугунных – и 41 пищаль с 83 ядрами к ним (ГАТО, Ф. 521, Оп. 1, Д. 1, л. 2). По данным Г.Ф. Миллера (ЦГАДА, Ф. 199, Портфели Миллера. Портф. 481. 4.4. Л. 150-150 об. Копия), за этот же год значится такое же количество чугунных ядер [Дологова, Резун, 1984].

В рапорте, составленном «по словесному требованию» артиллериста штык-юнкера Красносельцева, направленного ему из Чаусской судной избы 9 июня 1746 г., отражена следующая информация об имеющихся на тот момент в остроге орудиях: пушках, мелких ружьях и пищалах, количестве пороха, свинца и ядер. Согласно этому документу, в остроге располагалось пять пушек, из которых четыре были чугунными, а одна медная и сорок одна гладкая пищаль, 90 мелких и крупных ядер и др. (ГАНУ. Ф. Д-105. Оп. 1. Д. 6. л. 195). Через восемь лет, в 1754 г. Чаусский острог

Рис. 1. Картография находок ядер на севере Верхнего Приобья.

1 – Уртамский острог (Кожевниковский р-н Томской области); 2 – Умревинский острог (Мошковский р-н НСО); 3 – Чаусский острог (Колыванский р-н НСО); 4 – Старо Кривошеково (Новосибирск); 5 – Бердский острог (Новосибирский сельский р-н НСО); 6 – Бурмистрово (Искитимский р-н НСО); 7 – Гутово (Тогучинский р-н НСО); 8 – Крутиха (Крутихинский р-н НСО); 9 – Камень на Оби (Алтайский край); 10 – Белоярский острог (Алтайский край); 11 – Малышевская слобода (Тогучинский р-н НСО).

располагал одной медной (два с половиной фунта), одной чугунной (два с половиной фунта), одной двухфунтовой и двумя по восьмой доле фунта пушками. Запас ядер включал в себя к первым двум пушкам – 150, к двухфунтовой – 197 и к двум по восьмой доле фунта – 320 ядер. Спустя еще три года, к 1757 г. в остроге изменилось лишь количество ядер для двух с половиной фунтовых пушек: их стало 153 (ГАТО, Ф. 521, Оп. 1, Д. 1, л. 224–240). Последний «Росписной список Чаусского острога от 1786 г.» свидетельствует о том, что пушки не были готовы стрелять (ГАТО, Ф. 521, Оп. 1, Д. 1, л. 260–261), и количество ядер уже не указывается. Относительно готовности пушек к использованию, следует отметить, что ранее в 1735 г. аналогичная информация была отражена в письменных источниках для пушек Уртамского острога (ГАТО, Ф. 521, Оп. 1, Д. 1, л. 215). Однако вряд ли речь шла о деактивации пушечных стволов, путем сбивания боковых цапф (рис. 2). Скорее всего, у пушек пришли в негодность их лафеты. Действительно, по письменным данным, в Уртамском остроге в 1746 г. предписывалось осуществить ремонт лафетов (ГАО. Ф. Д-104. Оп. 1. Д. 1. л. 52). В свою очередь, когда пушечные лафеты приходили в окончательную негодность, артиллерийские стволы могли размещаться на деревянных станках. В начале XIX в. это получило свое отражение в публикации «Северной пчелы» от 1827 г. при описании места Чаусского острога. В издании упоминалось, что в центре села «до сих пор можно увидеть четыре чугунные пушки и еще одно медное орудие» [Молодин, Бородавский, Троицкая, 1997, с. 163]. Спустя 81 год, по сведениям из газеты «Голос Томска» от 28 июля 1908 г., у волостного правления в с. Чаус лежало уже всего две пушки [Голос Томска, 1908]. Следует отметить, что такая практика хранения пушечных стволов была далеко не единична для сибирских

острогов. Например, хранение двух пушечных стволов было фотографически задокументировано для Березовского острога в Нижнем Приобье [Россия..., 1907, с. 163] (рис. 3). В этом случае, пушечные стволы не были деактивированы, поскольку запальные отверстия не заклепаны, а объемный выступ («виноградие») и боковые цапфы не сбиты.

Вероятно, что и сохранившиеся до начала XX в. пушечные стволы в с. Чаус также не были приведены в негодность, поскольку они были использованы повстанцами во время Кольвано-Кандауровского мятежа в 1920 г. [Шишкин, 1990]. Однако после подавления этого антисоветского выступления, судьба пушечных стволов и артиллерийских ядер XVIII в. неизвестна. В частности, в приказе начальника гарнизона Кольвани Гиршовича от 30 июля 1920 г. о сдаче огнестрельного оружия и боеприпасов нет никаких упоминаний о пушечных стволах и ядрах из Чаусского острога, использованных повстанцами. В связи с этим, следует подчеркнуть, что в ходе Гражданской войны начала XX столетия старинные пушки в Сибири неоднократно использовались в боевых действиях. Например, при штурме красными партизанами с. Тогул на территории современного Алтайского края, где в 1919 г. 12-фунтовое орудие, снятое из Кузнецкой крепости, было задействовано для уничтожения пулемета. Такое применение архаичных пушечных стволов предполагало использование и старых ядер, что могло отражаться в находках этих предметов далеко за пределами острогов, которым они принадлежали.

Для Бердского острога количество пушек и ядер, по данным письменных источников XVIII в., не из-

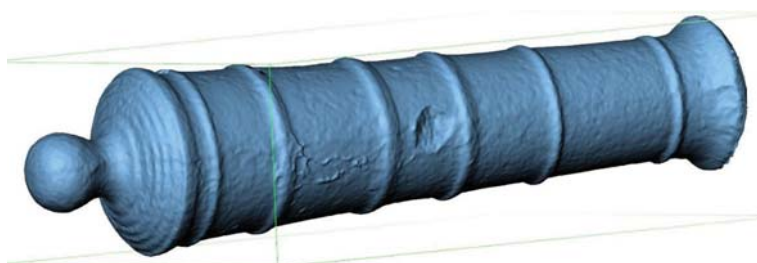

Рис. 2. Сбитые цапфы на пушечном стволе как признак деактивации.

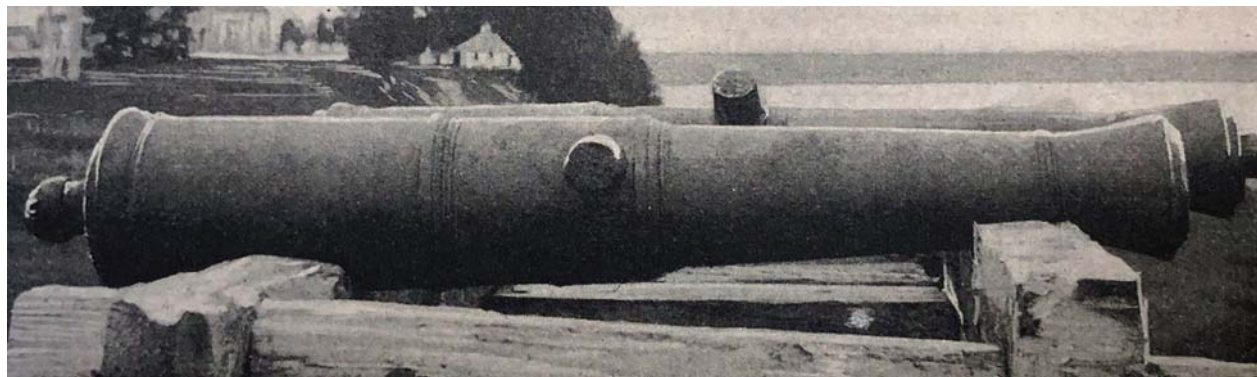

Рис. 3. Хранение артиллерийских стволов на станке (Березовский острог, Томская губерния, начало XX в.).

вестно. Тем не менее, при переписи жителей этого оборонительного пункта в 1719 г. упоминается пушкарь Т. Кузнецов [Миненко, 1990, с. 31], что явно указывает на наличие в этом остроге артиллерийских стволов и ядер к ним.

Для Умревинского острога, в отличие от Уртамского, Чаусского и Бердского, в письменных источниках XVIII столетия сведения о наличии артиллерии и «огневого припаса» фактически отсутствуют. В частности, в списке от 1706 г. об артиллерийском снаряжении [Из отчета..., 1978, с. 31] (РГАДА, Ф. 214, Оп. 1, Ч. 5, Кн. 1371) Умревинский острог вообще не упомянут. Нет таких свидетельств и для первой трети XVIII в. Например, в приказе «о крепкой предосторожности», отданном 1740 г. Томской воеводской канцелярии в «остроги Чаусский в Сосновский в Ме-

лесский и Ачинский в Уртамский в Верхотомский и Каинский и Убинский форпосты», Умревинский острог также не упоминается (РГАДА, Ф. 633, Оп. 1, Д. 5). В еще более позднем указе «Ее императорского величества самодержицы Всероссийской из Томской воеводской канцелярии № 2140 в Умревинскую судную контору комиссару Бурымскому об оказании помощи казачьему голове Постникову, посланному для смотрения вооружения острогов и состояния дорог от 28 сентября 1755 г.» (ГАНУ, Ф. Д-104, Оп. 1, Д. 1, Л. 166 – 167 об.) не содержится никакой информации по артиллерийскому снаряжению.

В целом все эти письменные данные дают представление об артиллерийском потенциале территории севера Верхнего Приобья в XVIII столетии, которые в настоящее время требуют своего археологического подтверждения.

Археологические исследования

Систематическое выявление артиллерийских ядер, как особой категории артефактов Раннего Нового Времени, на территории Новосибирского Приобья началось с археологических исследований автора Умревинского острога в 2002 г. К настоящему времени в окрестностях и непосредственной близости этого оборонительного пункта выявлена уже целая серия таких предметов различного размера и веса. Это, в свою очередь, означает, что артиллерия на Умревинском остроге не только была, но она имела и разные калибры – т.е. пушек было не только несколько, но и они были достаточно разнообразными. К настоящему времени для Умревинского острога собралась уже целая коллекция ядер – 20 штук. Такое количество вполне соответствует тем данным, что упоминаются в письменных источниках для arsenалов небольших острогов, которые на первую треть XVIII столетия располагали несколькими артиллерийскими стволами. Одним из них является Уртамский острог (РГАДА, Ф. 214, Оп. 1, Ч. 5, Кн. 1371) [Из отчета..., 1978, с. 31]. Для Умревинского острога наличие нескольких пушечных и пищальных стволов подтверждается археологическими находками железных ядер различного калибра (от 4,5 до 7,5 см).

Обследование Чаусского острога и его окрестностей также позволило выявить несколько ядер различного калибра (от 5 до 10 см). Три ядра были найдены в р. Чаус в непосредственной близости от расположения Чаусского острога в районе старой пристани (рис. 4) и еще одно ядро – в обской пойме напротив с. Скала. Такие предметы являются лишь незначительной частью того «огневого запаса», который известен по письменным данным для этого оборонительного пункта: 1735 г. – 83 ядра, 1746 г. – 90 ядер, 1754 г. – 667 ядер, 1757 г. – 153 ядра.

Для Бердского острога в настоящее время известно о находках трех ядер (см. рис. 1, 5). Два из них (3,5–

Рис. 4. Ядро из р. Чаус около Чаусского острога. Фото Бородавского А.П.

Рис. 5. Ядро из Бердского острога. Фото Бородавского А.П.

4,5 см) обнаружены в окрестностях этого оборонительного пункта (рис. 5), а треть (4,5 см) – найдено на значительном расстоянии у с. Бурмистрово Искитимского р-на НСО (см. рис. 1, 6). Этот факт, также как и находки ядер у Умревинского острога, связан с деятельностью современных рыбаков, использовавших их в качестве утяжелителей для сетей, что приводило к повышению мобильности таких артефактов относительно их первоначального расположения в остроге.

Кроме находок ядер, в непосредственной близости от острогов (Умревинского, Чаусского и Бердского) следует упомянуть о наличии таких артефактов в других местах. Среди них находка единичных ядер у с. Камень Болотнинского р-на НСО, бывшего села Старо Кривошеково и острова Кудряш на территории современного г. Новосибирска (см. рис. 1, 4), а также с. Гутово Тогучинского района НСО (см. рис. 1, 7). Особое внимание следует обратить на неоднократные находки ядер (3 штуки) в с. Крутиха Крутихинского района Алтайского края (см. рис. 1, 8). Дело в том, что в дореволюционной [Россия..., 1907, с. 371], советской [Кочедамов, 1978, с. 32] и современной литературе [Современная..., 2003, с. 82] неоднократно встречаются упоминания о Крутихинском остроге, в действительности не существовавшем. При этом наличие ядер в этом населенном пункте, возникшем еще в XVIII в. (1724 г.), могло быть связано с тем, что там могло находиться артиллерийское орудие, также, напр., как и в Малышевской слободе (1734 г.) на территории современного Сузунского р-на НСО (см. рис. 1, II) [Миллер, 2003, с. 72]. Аналогичным образом можно интерпретировать и находку единичного ядра на территории с. Старо Кривошекова, где также в начале XVIII в. могло находиться артиллерийское орудие малого калибра. Находка ядра в с. Гутово Тогучинского р-на НСО на значительном расстоянии от всех существовавших на территории Новосибирского Приобья русских острогов XVIII столетия вполне может быть связано с рудным промыслом в Прислаирье, поскольку известно об использовании артиллерийских ядер при промывке золота в лотке. Кроме того, следует обратить внимание, что в отличие от данных письменных источников (свинцовые и железные ядра), в ходе археологических исследований пока удается обнаруживать только артиллерийские снаряды из черного металла. Очевидно, свинцовые ядра, кроме своей редкости, были очень привлекательны для вторичной переработки в отличие от железных.

Заключение

Локализация пищальных и пушечных ядер на территории севера Верхнего Приобья (см. рис. 1) имеет определенные особенности. Во-первых, находки ядер располагались в непосредственной близости от самих острогов (Умревинского, Чаусского и Бердского). Во-вторых, часть таких предметов была обнару-

жена в окрестностях этих оборонительных пунктов. В-третьих, находки ядер встречены далеко за пределами расположения известных острогов Верхнего Приобья. Такая топография находок ядер, очевидно, отражает определенные функциональные особенности этих предметов. В случае непосредственного нахождения ядер на месте острогов – это явно связано с первоначальной их локализацией в составе артиллерийских припасов этих пограничных оборонительных сооружений. Тогда, как находки ядер далеко за пределами размещения острогов связаны с тем, что эти предметы являются достаточно мобильными и многофункциональными вне сферы военной деятельности. В целом количество выявленных ядер (31 экз.) на севере Верхнего Приобья относительно их известного количества по письменным источникам (ок. 700 шт.) незначительно. Это в свою очередь позволяет надеяться на увеличение в будущем таких находок и расширения территорий их локализации.

Благодарности

Исследование выполнено по проекту НИР ИАЭТ СО РАН № FWZG-2022-0005 «Исследования археологических и этнографических памятников в Сибири эпохи Российского государства».

Список литературы

- Бородовский А.П., Горохов С.В.** Умревинский острог (археологические исследования 2002–2009 гг.). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. – 242 с.
- Горохов С.В., Бородовский А.П.** Артиллерийское вооружение Умревинского острога // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. – Т. XXII. – С. 265–268.
- Дологова С.Р., Резун Д.Я.** Новое о Чаусском остроге XVIII в. // Исследования по истории общественного сознания эпохи феодализма в России (Археография и источниковедение Сибири). – Новосибирск: Наука, 1984. – С. 224–228.
- Из отчета** томских воевод об укреплениях количестве вооружения, огненных припасах в Томске и подведомственных ему острогах. // Из истории земли Томской 1604–1917 (Сб. докум. и мат-лов). – Томск: Томск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1978. – Вып. 1. – С. 30–32.
- Кочедамов В.И.** Первые русские города Сибири. – М.: Стройиздат, 1978. – 443 с.
- Миллер Г.Ф.** Описание Кузнецкого уезда Тобольской провинции в Сибири в нынешнем его состоянии, в сентябре 1734 г. // Кузнецкая старина. – Новокузнецк: Кузнецкая крепость, 2003. – Вып. 5. – С. 63–85.
- Миненко Н.А.** По старому Московскому тракту. – Новосибирск: Новосиб. кн. изд-во, 1990. – 182 с.
- Молодин В.И., Бородовский А.П., Троицкая Т.Н.** Археологические памятники Кольванского района Новосибирской области. Материалы «Свода памятников истории

и культуры народов России». Вып. 2. – Новосибирск, Наука, 1996. – 192 с.

Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Настольная и дорожная книга для русских людей. Западная Сибирь. – СПб.: Издание А.Ф. Деврина, 1907. – Т. XVI. – 590 с.

Современная геодинамика и гелиодинамика. Книга 2. «500-летняя история аномальных явлений в природе и социуме Сибири и Монголии». – Иркутск: Изд-во Ирк. технич. ун-та, 2003. – 382 с.

Голос Томска. 28 июля 1908 г.

Шишкин В.И. Из истории Кольванского мятежа (июля 1920 года). // Изв. СО АН СССР. Сер. История, филология и философия. – 1990. – Вып. 2. – С. 22–27.

References

Borodovskij A.P., Gorohov S.V. Umrevinskij ostrog (arheologicheskie issledovanija 2002–2009 gg.). Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2009. 242 p. (In Russ.).

Dologova S.R., Rezun D.J. Novoe o Chausskom ostroge XVIII v. In *Issledovanija po istorii obshhestvennogo soznaniya jepohi feodalizma v Rossii (Arheografija i istochnikovedenie Sibiri)*. Novosibirsk: Nauka, 1984. P. 224–228. (In Russ.).

Golos Tomsk. 28 July 1908 g. (In Russ.).

Gorohov S.V., Borodovskij A.P. Artillery Armament of Umrevinsky Ostrog. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territory*, Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2016. Vol. 22. P. 265–268. (In Russ.).

Iz otcheta tomskih voevod ob ukrepljenijah kolichestve vooruzhenija, ognennyh pripasah v Tomske i podvedomstvennyh

emu ostrogah. In *Iz istorii zemli Tomskoj 1604–1917 (Sbornik dokumentov i materialov)*. Tomsk: Zap.-Sib. knizh. Publ., 1978. Iss. 1. P. 30–32. (In Russ.).

Kochedamov V.I. Pervye russkie goroda Sibiri. Moscow: Strojizdat, 1978. 443 p. (In Russ.).

Miller G.F. Opisanie Kuzneckogo uezda Tobol'skoj provincii v Sibiri v nyneshnem ego sostojanii, v sentjabre 1734 g. In *Kuzneckaja starina*, Novokuzneck: Kuzneckaja krepost', 2003. Iss. 5. P. 63–85. (In Russ.).

Minenko N.A. Po staromu Moskovskomu traktu. Novosibirsk: Novosibirskoe knizh. Publ., 1990. 182 p. (In Russ.).

Molodin V.I., Borodovskij A.P., Troickaja T.N. Arheologicheskie pamjatniki Kolyvanskogo rajona Novosibirskoj oblasti. Materialy "Svoda pamjatnikov istorii i kultury narodov Rossii". Iss. 2. Novosibirsk: Nauka, 1996. 192 p. (In Russ.).

Rossija. Polnoe geograficheskoe opisanie nashego otechestva. Nastol'naja i dorozhnaja kniga dlja russkih ljudej. Vol. 16: Zapadnaja Sibir'. Saint Peterburg: Izdanie A.F. Devrina, 1907. 590 p. (In Russ.).

Shishkin V.I. Iz istorii Kolyvanskogo mjatezha (ijulja 1920 goda). In *Izvestija Sibirskogo otdelenija Akademii nauk USSR. Ser. Istorija, filologija i filosofija*, 1990. Iss. 2. P. 22–27. (In Russ.).

Sovremennaja geodinamika i geliodinamika. Книга 2. «500-letnjaja istorija anomal'nyh javlenij v prirode i sociume Sibiri i Mongolii» Irkutsk: Irkutsk State Univ. Press, 2003. 382 p. (In Russ.).

Бородовский А.П. <https://orcid.org/0000-0002-6312-1024>